

НЕСКОЛЬКО ОТВЕТОВ МОИМ «КРИТИКАМ»

18 августа я прочитал в «Советской культуре» «письмо в редакцию» группы московских искусствоведов — В. Костина, А. Чегодаева и А. Якимовича, — содержащее предложение разъяснить ряд вопросов, связанных с сюжетами моих картин, взаимоотношениями с критикой, выставочной деятельностью. Хочу сразу оговориться, что я не стал бы пускаться в полемику с людьми, чья критическая муза больше тяготеет к жанру политически окрашенных оговоров, чем к собственно художественному анализу: взять хотя бы их характерный вопрос о каких-то «кабалистических масонских знаках», почудившихся им на изображенном в «Мистерии XX века» красном знамени, которое на самом деле является частью фоновой занавеса. И с каких пор изображение звезд, государственных символов многих стран XX века, считается предосудительным? Может быть, авторы объяснят мне их кабалистическую суть? И поскольку в своем письме мои «оппоненты» тщательно избегают какого бы то ни было профессионального искусствоведческого разбора вообще (хотя двое из них обладают учеными степенями), совершая лишь дилетантские набег на области политологии, социологии и новейшей истории, я, повторяю, с чистой совестью мог бы оставить очередной назидательный наскок без внимания.

Однако из уважения к газете, освещавшей уже неоднократно мое творчество — в том числе и критически, — а также к ее читателям, заинтригованным, конечно, развернувшейся дискуссией, я все же позволю себе высказаться по существу предложенных тем.

Итак, критики уверяют, что никакая травля Глазунова не было и нет, напротив, о Глазунове изданы якобы «сотни хвалебных, часто апологетических статей, не считая монографий, альбомов, фильмов, телепередач...». Уточним. Четвертое десятилетие продолжается абсолютный бойкот со стороны печатных изданий и издательства Союза художников в отношении моего творчества. Мне отказывали в предоставлении выставочных залов Союза художников и в приеме в его члены на протяжении двенадцати лет. Звание народного художника СССР я получил по представлению других общественных организаций (в частности Союза писателей РСФСР за иллюстрации к русской классике). Имея ежегодный десятиллионный закупочный фонд, союз за все эти годы отказался приобрести хотя бы одну мою работу.

Ситуацию же с формированием тематических планов издательства СХ СССР «Советский художник» в ярких красках обрисовал сам его директор (отказавшийся в свое время даже рассматривать заявку на издание обо мне) на страницах многотиражира Союза «Московский художник» (№ 37 за 1986 г.): «Мы, планируя свои издания, опираемся на рекомендации секретариата управления МОСХ. Но иногда трудно бывает отделаться от ощущения, что тема (то или иное имя) рекомендуется нам по мотивам «семейным», далеком от задач пропаганды изобразительного искусства. Порой секретариат сдает позиции перед чересчур активным художником, а то и рассматривает предполагаемое издание как подарок к его юбилею... При этом не учитывается ни низкое качество работ, которые будут воспроизводиться в книге, ни безадресность такого издания».

Авторы письма хотят создать впечатление, что якобы я один «требую от критики поддержки и понимания» и больше никто так не привередничает. Разворачивая снова «Московский художник» (№ 5 за 1987 г.), читаю слова моего коллеги-художника: «...Взаимоотношения искусствоведов-критиков с художниками... давно определились как неблагоприятные. Нет, к сожалению, рядом с нами объективно мыслящих наставников, способных высмотреть в художнике что-то индивидуально-неповторимое, даже если оно и зародыше. Создается впечатление, что многие художественные критики, причем различной направленности, как академические тихони, так и громкоголосые глашатаи «сверхнового», картинно мнят себя этикими комиссарами времен гражданской войны со знаменем в одной руке и маузером в другой, призывающими солдат в атаку. Нам же, «солдатам», они представляются людьми, вскопчившими в отправляющийся состав нужного им направления и на ходу поезда пробирающимися в головной вагон, чтобы первыми сойти на станции Почета».

Так что недовольных критической секцией в МОСХ хоть отбавляй: было бы странно, если бы я один оказался их «жертвой». В № 24 за тот же год живописец Н. Платов продолжил ту же тему: «Без услужливой помощи готовой на все кри-

тики многое несправедливое было бы попросту невозможно. Отсюда наше недоверие к нынешним критическим оценкам и ориентирам. Особенности опасения вызывает безответственность теории по отношению к вопросам профессиональным, к критериям мастерства, вызывает недоверие настойчивое стремление стать между художником и миром (стремление возглавить художественный процесс)». Я здесь цитирую только то, под чем сам бы подписался. Но вызывает недоумение, почему все, так сказать, шишки за констатацию маразматического положения с нашей критикой сыплются исключительно на меня? Разве не «Московский художник» опубликовал в прошлом году № 10 такие слова другого художника: «Все наши творческие секции возмущены критиками. Я думаю, секцию критиков надо передать Союзу писателей или Союзу журналистов, потому что, кроме раздора и неразберихи, они ничего не вносят в наши ряды». Почему же грозные критические стрелы, как и всегда, направляются на меня?

Авторы письма выделяют меня в некий «тип художника», органически нетерпимого к какой бы то ни было критике. Дело совсем в другом — я, как и многие другие художники, недоволен разгулом групповщины, субъективизма, заушательства в критике. Так что виноват не тот, кто выносит сор из избы, а кто сорит. Авторы придирались к моему высказыванию о союзе как «организации совершенно ненавидящих друг друга людей». А когда процветает кумовство, дележ договоров и должностей, их обеспечивающих, закулисная «распределителка» творческой помощи, турпоездки, командировки и мастерских, — это разве укрепляет взаимную любовь?!

Объясните мне, почему критика А. Корзухина, впервые осмелившегося наряду с традиционной руганью в адрес моих картин отметить положительно лишь некоторые из них в статье «Можно ли объять необъятное» («МХ» № 28 за 1986 г.) тотчас же ринулись из союза исключать за якобы «апологетику» того, кого до сих пор «положено» было только поносить и на кого было наложено табу как на выродка и чудовище советского искусства? Правда, принятая по этому поводу резолюция бесслвно провалилась на правлении МОСХ, но создание вокруг Глазунова особой зоны замалчивания, минного поля, на которое никому теперь будет впредь непозадавно вступать без санкции критического начальства, очень показательно... Так и формируется мнение, что о творчестве Глазунова-де вообще профессионально рассуждать нечего.

Московские критики, должно быть, подзабыли о сугубо келейном, закрытом не только от широкой публики, но и от художников «круглом столе» 29 июля 1986 г. в Центральном Доме художника на тему «Популярный художник в зеркале прессы». Это заочное судилище, на которое, естественно, так понимается в МОСХ гласность — меня пригласить «постеснялись», было исключительно посягнуто охавиванием меня и моего творчества.

На этом собрании приводились невероятные цифры моих доходов, сыпались такие смачные эпитеты, как «идол массовой культуры» (Ю. Нехорошев), «мещанская декадентина» (В. Петров), «подпевала буржуазного модернизма» (И. Бессонова), «мерзкая эстетика» и паразитирование на достижениях классиков советского искусства (Ю. Герчук), «консервативное искусство», создаваемое на потребу современным мещанам (В. Аронов), «дискредитирование нашего образа жизни», «издевательство над дорогами нам политическими символами», «нац-арт» и так далее в том же духе. М. Яблонская договорилась до того, что народ, требующий публикаций о Глазунове, точно так же требует и водки. Разве это не похоже на травлю?

Авторы письма сетуют, что я не принимаю выкрутасы авангардистов. Да, «синдром Кандинского», как называют медики склонность видеть мир абстрактно, мне не присущ. Но означает ли это, как пишут критики, «издевательство»? В интервью газете «СК» я сказал четко и определенно: «Я за плюрализм, за развитие в искусстве разных тенденций, против монополии. Но мы должны каждый себе отдать отчет, что такое добро и зло».

А вот Д. Налбандян, которого ринулись от меня «защищать» авторы письма в «СК», шпилек от наших же критиков получил немало. И от Якимовича, и от Морозова, причем в таких выражениях, по сравнению с которыми мои упоминания Дмитрия Аркадьевича Налбандяна — моего коллеги, с которым мне нередко доводилось встречаться на ученом совете в Суриковском институте, выглядят, право, куда бледнее. Разве констатация

общеизвестного факта многократного награждения Налбандяна или упоминание о его роли на выставке — оскорбление?! А то, что мой портрет Индиры Ганди предпочла Налбандяновскому, — всецело на ее совести и вкусе, я здесь ни при чем; так было в реальности. Это было просто творческое соревнование. И я продолжаю уважать его как талантливого мастера, ученика прославленного Лансере, автора хороших натюрмортов и пейзажей. И, поверьте, с Налбандяном мы сумеем разобраться без посредников.

Нас изволили с ним сопоставить как «придворных» портретистов минувших режимов. «Разумеется», — пишут авторы письма, — писание портретов Сталина и Брежнева не украшает ничей творческой биографии». Как скажете! Вы бы сначала хоть «одним глазком» взглянули на мою работу, прежде чем ее поносить. Может быть, в моем «Брежнев» как раз и сконцентрировались мои переживания, связанные с полосой его правления, — вы этого не допускаете? Скомпрометированная политическая фигура — не обязательно провал художника, ее отображающего. («Брежнев» ведь и сегодня висит на Кузнецком на выставке союза «Земля и люди», и как, ничего?!) Ведь самоочевидно, что каждый человек по-своему интересен для портрета, будь то короли Испании, запечатленные блистательной кистью Веласкеса и Гойи, или «Николай II» Серова... Весь вопрос в качестве, а о нем-то вы по-вполне объяснимым причинам не имеете и не можете иметь ни малейшего представления. Но самоуверенно судите, вынося безапелляционные осуждающие приговоры заочно.

Весьма сложные — для непосвященных — игры затеяли наши критики вокруг Академии художеств — этого их вечного врага (В. Костин даже в свое время выдвинул против нее серию «тезисов», чуть было не прибавив на манер Лютера к дверям МОСХ) и одновременно сладострастно вожделенного пряника.

Меня «уличили» в том, что мое имя фигурирует в списке кандидатов. Так ведь и авторы письма стоят в нем по соседству! Но для них это не криминал, должно быть... Мое же личное отношение к этому много серьезнее и последовательнее: Академия интересует меня как хранительница профессионального, реалистического мастерства, национальной художественной традиции, и работа в ее составе — не просто честь или привилегия, а признание значимости твоего персонального вклада в летопись достижений отечественного искусства. Без ложной скромности скажу, что из ныне живущих советских мастеров я, должно быть, единственный, кто способен заполнить своими произведениями целый Манеж (ЦВЗ), — последний такой случай имел место в отношении лишь А. Платова и С. Коненкова (действительных членов Академии художеств, между прочим). Хочу напомнить, что этот зал не принадлежит Союзу художников и что многие художники отказываются от этого зала, так как у них не хватает работ, чтобы заполнить его. И вообще, тут надо дать больше прав высказываться непосредственно народу.

Немалые зрительные, если мягко выражаться, aberrации, присущи авторам письма и в карикатурном «интерпретировании» образов моей «Мистерии XX века». Маяковский там представлен отнюдь не бандитом. Маузер — это символ революционного времени, решительного и беспощадного, а не паравоз известных стихотворных строчек типа «к расстрелу Растрелли». Рузвельт и Черчилль, далее, не «паясничают» у гроба генералиссимуса, а просто радуются гибели мощного противника; существуют, разумеется, десятки фотодокументов, подтверждающих верность именно такого запечатления, равно как и Эйнштейна, лукаво высунувшего язык. Именно это любимое им фото он сам помещал в своих автобиографиях. Так что кто здесь разводит «хохмы» — тенденциозные критики или я, стоит поразмыслить.

И последнее. Я никогда и нигде не говорил, что моя авторская трактовка великого и прекрасного, чудовищного и трагического XX века — суть истина в последней инстанции. Пусть будут иные версии — столько, сколько есть способных на это художников.

Выставка в Москве закрыта, и сейчас она открывается в Одессе, а затем в Ленинграде. И я хочу от всей души поблагодарить многочисленных зрителей, которым хватило терпения долгие часы стоять в очереди, чтобы попасть на выставку моих скромных работ. В конечном счете, я думаю, высшим судьей для каждого художника является народ.

И. ГЛАЗУНОВ.